

О статусе одного феномена

Г. Ф. Поздерова

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: gfpozderova@yandex.ru

Современный немецкий язык, характеризующийся сложной структурой вариативности, обнаруживает новые формы существования, статус которых в настоящее время представляется спорным. К числу таких феноменов относится Kiezdeutsch, возникший в середине девяностых годов в кварталах немецких городов со смешанным этническим составом их жителей, и ставший популярным в подростковой и молодежной среде. Этот идиом вызвал оживленную дискуссию не только в профессиональной среде лингвистов, но и в современном немецком обществе.

Ключевые слова: социолингвистика, современный немецкий язык, формы существования языка, Kiezdeutsch.

Одним из феноменов, вызвавшим особый интерес германистов в последнее десятилетие, явился так называемый Kiezdeutsch. Это явление освещалось как в научной литературе, так и в средствах массовой информации с разных точек зрения – с лингвистической, социологической, политической. Разнообразен и спектр оценок, как научных, серьезных, так и эмоциональных, включающий полярные мнения. Одним из дискуссионных вопросов является определение статуса этого варианта немецкого языка.

Хайке Визе, которая одной из первых обратила внимание лингвистов на Kiezdeutsch, называет эту форму, вариант немецкого языка по-разному: «молодежным вариантом» (jugendsprachliche Varietät) [1], молодежным языком/сленгом (Jugendsprache), «новым, городским диалектом» (der neue, urbane Dialekt des Deutschen) [2], «мультиэтнолектом» [1, 3], отмечая в нем наличие черт, характерных для пиджинов и lingua franca.

Возникновение данного идиома Х. Визе относит к середине девяностых годов прошлого века [2]. Слово Kiezdeutsch можно перевести как «немецкий язык микрорайона» [4] или «немецкий язык жилых кварталов» [5], что отражает его генезис как языка молодежи городских микрорайонов (кварталов) со значительной долей мигрантов. В связи с большой популярностью этой формы возникают многие вопросы, в частности и такой: продолжают ли использовать этот язык те, кто был тогда подростками, а теперь стали уже взрослыми людьми? Мы не принимаем во внимание, конечно, тех, кто либо пародирует этот манеру общения, как, например, это делается в телешоу *Erkan & Stefan; Was guckst du?*, или же рэперов, пишущих на этом языке, и ориентированных именно на молодежную и подростковую аудиторию.

Для этого идиома характерны следующее: использование слов, заимствованных из турецкого, арабского, курдского, персидского (*Lan, wallah*); упрощенная грамматика, в которой отсутствуют артикли и предлоги, используются краткие, т.е. несклоняемые, формы прилагательных и местоимений, широкое распространение приобрели стяженные формы *lassma* и *musstu*, значение которых модифицировалось, также выделяются новая интерпретация функций частицы *so*, нарушение порядка слов и другие. Некоторые из названных особенностей нельзя идентифицировать как однозначно привнесенные из других языков, как показала сама Х. Визе, они отражают процессы, происходящие в современном немецком языке и частично имеют место в исконно немецких диалектах и разговорных вариантах немецкого языка. Поэтому, как нам представляется, не стоит относить некоторые «девиации», наблюдаемые сегодня в литературном языке, за счет влияния именно кичдойч, как это делает, например, Е. А. Морозов, описывая первую позицию личной формы глагола [5].

Возникновение Kiezdeutsch в мультиэтнической среде позволяет отнести его к разряду контактных языков, т.е. языков, возникших из взаимодействия как минимум двух языков в процессе контакта их носителей. Какие же это формы? Выше мы уже назвали некоторые из них. Попробуем охарактеризовать каждую из них и найти соответствия или же, наоборот, расхождения.

Для того, чтобы попытаться разобраться в статусе данного феномена, следует рассмотреть имеющиеся классификации функциональных типов языка. В социолингвистике не существует однозначной трактовки многих терминов, в классификации языков присутствует значительная доля субъективизма и произвольности, на что указывали многие лингвисты. Так У. Аммон в своей работе «Funktionale Typen/Statustypen von Sprachsystemen», перечисляя отдельные формы существования языков, такие как мировой язык (*Weltsprache*), международный искусственный язык (*Welthilfssprache*), лингва франка, пиджин, креол, литературный (стандартный) язык, государственный язык, национальный язык, язык меньшинства и язык большинства и др., недоумевает, почему одна форма считается самостоятельным языком, а другая – только диалектом [6]. Кроме того внутри одного языка различают различные пласты, которые также не всегда можно однозначно отделить друг от друга, ср. такие термины, как «арго», «жаргон», «сленг».

Как мы указывали выше, Х. Визе отмечает наличие в исследуемом идиоме черт пиджина и лингва франка. Рассмотрим эти и некоторые другие понятия и начнем с пиджина. В ЛЭС отмечается, что пиджин – это не генетическая, а ареально-типологическая категория, «результат вторичного преобразования [языка] в условиях регулярных и массовых этноязыковых контактов» [7]. Основные признаки пиджинов: 1. Пиджин не имеет «коллектива исконных носителей» [7], т.е. он не является родным языком ни для одной из сторон, использующих этот идиом в межэтническом обще-

нии; 2. «существенное упрощение структуры языка-источника» [7], которое затрагивает различные уровни языковой системы. 3. Его использование ограничено сферой межязыковых контактов. Обычная формула описания X-пиджин-Y, где компонент Y – это язык-источник (или язык-лексификатор, как правило, язык колонизаторов), из которого заимствуется основная часть словаря, а компонент X – это язык-субстрат, второй по важности лингвистический контрибутивный фактор, как, например, язык местного населения (см. [8]).

Отдельного и подробного рассмотрения требует второй пункт. Как же модифицируется система языка-источника? Е. В. Перехвальская называет следующие особенности: «а) движение порядка слов от темы к реме; б) свободная сочинительная связь (отсутствие подчинительных конструкций); в) соотношение именных основ при глаголе минимально, приблизительно 1:1; г) отсутствие флективной морфологии; д) особая интонация – низкий фокус на теме, затем мелодический переход к повышению на реме; е) минимальность анафорики и, соответственно, зачаточное состояние местоимений» [9]. Как подчеркивает А. Бауэр, отсутствие в пиджинах и креольских языках таких грамматических категорий, как число, лицо, род, падеж, наклонение и др., никоим образом не свидетельствует об том, что эти идиомы лишены грамматических правил, нельзя их уравнивать с ломаным немецким, русским, английским и т.д. [8] Пиджины можно разделить, с одной стороны, на две группы в зависимости от участвующих в нем языках – «базирующиеся на одном языке или родственных языках определенного ареала» и «возникшие в результате взаимодействия разных неродственных языков» [7]. С другой стороны, в соответствии со стадиями, которые пиджин может пройти в результате своего развития, их подразделяют на «жаргон», «редуцированный пиджин», «расширенный пиджин» и «стабильный пиджин» [9]. Несколько иначе располагает эти стадии А. Бауэр: жаргон – стабильный пиджин – расширенный пиджин – креольский язык [8].

Логическим развитием пиджина может стать креольский язык. ЛЭС определяет такие языки следующим образом: «языки, сформировавшиеся на основе пиджинов и ставшие родными (первыми) для определенного коллектива их носителей» [7]. Там же описываются основные черты системы креольских языков: упрощение фонологической системы языка-источника с возможным добавлением 2–3 фонем, не имеющих в языке-источнике; отсутствие словоизменительной парадигматики в грамматическом строе, выражение грамматических отношений посредством фиксированного порядка слов, служебными словами и внутрифразовыми паузами [7]. Если пиджины «возникают в условиях так называемых 'экстремальных' языковых контактов» [9], т.е. обслуживают ограниченное число сфер общения, то креольские языки охватывают уже все регистры повседневной коммуникации [8].

Другим интересным функциональным типом является койне, которое используется «в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков» [7]. Главным образом койне используется в устном общении. Различают городские койне и койне ареала. Как койне может функционировать наддиалектная форма определенного языка или один из языков, представленных на некоторой территории, где проживают носители нескольких языков. Здесь же отмечается, что «устные койне занимают промежуточное положение между лингва франка и общенациональным литературным языком» [7]. Автор статьи выступает против постановки койне в один ряд с пиджинами: «процесс формирования койне существенно отличен от пиджинизации, предполагающей ощутимую структурную модификацию языка-источника, тогда как койне развивается, как правило, по линии сохранения и обогащения языка или диалекта, становящегося койне; пиджин формируется в условиях контактирования и взаимовлияния разных языков, тогда как койне чаще всего (хотя и не всегда) складывается на базе диалектов одного языка или на базе близкородственных языков, в отдельных случаях пиджин может приобрести функции койне, развиваясь затем в сторону креольского языка». Одним из примеров научно-письменного койне может служить латынь в средневековой Европе.

Лингва франка – функциональный тип языка, используемый в качестве средства общения между носителями разных языков в ограниченных сферах социальных контактов [7]. Первоначально конкретный смешанный язык средневекового Средиземноморья, также сабир – со времен крестовых походов до 19 в. лингва франка – любое устное вспомогательное средство межэтнического общения; им может быть язык одного из народов данного региона (...), нейтральный язык, не родной ни для одной из использующих его этнических групп (...), пиджин на базе местного или европейского языка. Расширение коммуникативной сферы лингва франка может привести к превращению его в койне. Отмечается, что неправомерно применять этот термин к общенациональным или международным языкам [7].

Применение представленных здесь характеристик разных форм, возникших на основе языкового контакта, позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемый феномен – Kiezdeutsch – вряд ли полностью соответствует тем критериям, которые разработаны для каждой из названных форм, обнаруживая лишь частичное совпадение со многими из них. Сам генезис анализируемого идиома (с одной стороны, в условиях контакта различных языков, но в среде подростков, которые – пусть в разной степени – но владеют немецким языком) и его использование также теми, для кого немецкий язык является родным свидетельствуют скорее в пользу определения его как молодежного слэнга, но отнесение его к этнолектам представляется нам сомнительным. Для определения статуса данного феномена, который продолжает свое развитие, требуется

привлечение к исследованию более широкого языкового материала, поскольку это преимущественно устная форма общения, то правомерным нам представляется его сопоставление и сравнение не с языковым стандартом, а с разговорным языком и диалектами.

Литература

1. Wiese H. "Ich mach dich Messer": Grammaticale Produktivität in Kiez-Sprache // Linguistische Berichte, 207 (2006), S. 245–273.
2. Wiese H./Ulrike Freywald/Katharina Mayr. Kiezdeutsch as a Test Case for the Interaction between Grammar and Information Structure. – Universitätsverlag Potsdam 2009: <http://pub.ub.uni-potsdam.de/volltexte/2009/3837/>
3. Wiese H. Kiezdeutsch – ein neuer Dialekt. (2010) http://www.bpb.de/publikationen/CKPH2H,0.0_Kiezdeutsch_ein_neuer_Dialekt.html#art0
4. Гатауллин Р. Г. «Мультикультурная» Германия и немецкий язык. // Немецкий язык в Башкортостане: проблемы и перспективы. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 183–193.
5. Морозов Е. А. Kiezdeutsch и язык Гете – две вещи несовместные ? (к вопросу о влиянии молодежного слэнга на немецкий литературный язык) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. №3. С. 119–127.
6. Ulrich Ammon. Funktionale Typen/Statustypen von Sprachsystemen. // Soziolinguistik: Ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft. Hrsg. v. U. Ammon, N. Dittmar, K. J. Mattheier. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1987. Vol. 1. S. 230–263.
7. Языкознание. Большой энциклопедический словарь /Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998. 685 с.
8. Anton Bauer. Pidgin- und Kreolsprachen. // Soziolinguistik: Ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft. Hrsg. v. U. Ammon, N. Dittmar, K. J. Mattheier. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1987. Vol. 1. S. 344–352.
9. Е. В. Перехвальская. Части речи в русских пиджинах. // Вопросы языкознания. – 2006. – №4 – С. 7–26.

Статья рекомендована к печати кафедрой немецкой и французской филологии Башкирского государственного университета (д-р филол. наук проф. Р. З. Мурясов)

On the status of one phenomenon

G. F. Pozderova

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: gfpozderova@yandex.ru

Modern German language, characterized by a complex structure of variability, reveals new forms of existence, the status of which now seems controversial. Among such phenomena is Kiezdeutsch, which arose in the middle of the nineties in the quarters of German cities with a mixed ethnic composition of their inhabitants, and became popular in the teenage and youth environment. This idiom caused a lively discussion not only in the professional environment of linguists, but also in modern German society.

Keywords: Sociolinguistics, modern German, forms of language existence, Kiezdeutsch.